

RU

Поэзия Мари-Лор Груар в типологическом аспекте

Пинковский В. И.

Аннотация. Цель исследования – определение наиболее характерных черт творчества французской поэтессы Мари-Лор Груар (1821-1843). Научная новизна работы заключается в типологическом описании груаровской творческой модели в границах романтической парадигмы (создание типологии авторов французского романтизма – не решённая до сих пор проблема). Полученные результаты свидетельствуют о том, что содержательно поэзия Груар относится к субъективной романтической лирике, основывающейся почти исключительно на биографии и личных переживаниях автора. В отношении формального творчество поэтессы демонстрирует умеренный вариант поэтики спонтанного самовыражения, непосредственно предвосхищая лириков-импрессионистов второй половины XIX века.

EN

Typology of Marie-Laure Grouard's Poetry

Pinkovskiy V. I.

Abstract. The paper aims to reveal typical features of creativity of the French poetess Marie-Laure Grouard (1821-1843). Scientific originality of the study involves a typological description of Grouard's creative model within the framework of the romantic paradigm. In fact, a typology of the French romanticism has not been developed yet. The findings indicate that Grouard's poetry belongs to the genre of subjective romantic lyrics based almost exclusively on the author's personal experience. From the formal viewpoint, the poetess's creativity can be defined as moderate poetics of spontaneous self-expression, a precursor of impressionistic lyrics of the second half of the XX century.

Введение

Не вполне удовлетворительное состояние изученности отечественной филологией в конце XX – начале XXI века западного романтизма – давно отмеченная проблема [2, с. 5]. Если российской культуре остаются почти неизвестными даже некоторые имена «первого ряда» (К. Делавинь, Т. де Банвиль), то поэзия «малых романтиков» в большинстве своём никогда не становилась объектом исследования, а без её изучения невозможно создать в точном смысле слова историю литературного направления, а не отдельных – самых крупных – его представителей. В контексте обозначенной проблемы актуальность исследования очевидна и обусловлена необходимостью обращения к творчеству такой не подвергавшейся научной рефлексии в должной мере даже у себя на родине поэтессы, как Мари-Лор Груар (1821-1843). Учитывая перспективную цель (история направления), требующую описания творчества писательницы не в качестве самодовлеющего феномена, а как элемента романтической системы, непосредственные задачи настоящей статьи – знакомство с биографией Груар (для определения степени субъективизма творчества), анализ текстов (для создания в самом общем виде их типологии), соотнесение творческой модели поэтессы с таковыми же других поэтов романтической эпохи – решаются в типологическом аспекте. Соединение конкретно-текстуального анализа с биографическим, историко-культурным, компаративным подходами образует в данной статье специальный комплексный метод. Теоретической основой работы стали труды Вл. А. Лукова [1], В. П. Трыкова [3], И. О. Шайтанова [4]. Объектом исследования являются все опубликованные поэтические произведения Груар. Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности использования их в преподавании общей истории романтизма, а также историко-литературных и поэтологических спецкурсов («Малые романтики», «Женская романтическая поэзия» и подобные).

Критика о творчестве М.-Л. Груар

Впервые творчество М.-Л. Груар сколько-нибудь подробно было рассмотрено в 1844 году в предисловии к посмертному сборнику сочинений поэтессы. Автором предисловия (а также составителем и редактором

книги) был Т. де Банвиль, один из крупнейших французских поэтов XIX века, близкий друг Ш. Бодлера. Отмечая несовершенство формы в произведениях молодого автора (не всегда удачно подобранные (*impropres*) слова, недостаточно обработанные строки), Банвиль называет основное качество поэзии Мари-Лор (именно так, без фамилии, подписывала свои публикации поэтесса) – сердечность, задушевность (*l'esprit du sœur*) [5, p. 27]. Критико-биографический очерк Банвиля не претендовал на сколько-нибудь полный обзор стихотворений умершей и преследовал, скорее всего, другую цель – отдать должное молодой женщине, с которой, как и с её семьёй, поэт был знаком.

Отзывы критиков XIX – начала XX века о М.-Л. Груар весьма сдержанные. Т. Лебретон, называя поэтессу «юной нормандской музой», находит, что её стихи «полны чувства и отличаются меланхоличностью» [10, p. 173-174], А. ван Бевер относит Мари-Лор к разряду «подражателей» (*imitateurs*) известных нормандских поэтов [6, p. 380].

В прямых обращениях к Груар известные литераторы эпохи этикетно комплиментарны. М. Деборд-Вальмор благодарит юную поэтессу за присылку стихов и называет их «очаровательными» (*vers charmants*) [7, p. 64], Ж. Жанен определяет её элегии как «милые и целомудренные» (*douces et chastes*), но упрекает молодого автора за то, что её стихи излишне наполнены сетованиями (*des plaintes*) [8, p. 58]. По этому замечанию, хотя и мягко выраженному, видно, что маститый писатель принимает Мари-Лор за несамостоятельную выразительницу модных романтических настроений (меланхолия, разочарованность).

Редкие упоминания Груар в публикациях XXI века чаще всего сводятся к общим сочувственным словам о поэтессе («эфмерная Мари-Лор, вдохновлённая природой» [17, p. 27]), но не касаются её творчества.

Общеромантические тенденции в поэзии Мари-Лор

Мари-Лор практически является ровесницей романтизма во французской поэзии (если вести отсчёт от признанной многими историками литературы «стартовой» даты этого явления – первого сборника А. де Ламартина (1820 г.)), причём пик развития романтической поэзии (1830 г.) – это середина короткой жизни поэтессы, поэтому неудивительно, что в её произведениях присутствуют романтическая тематика, эстетика, поэтика.

Влияние романтизма заметно в первую очередь по тому, как Мари-Лор видит образ поэта. В ролевом стихотворении «Торквато Тассо», представляющем собой монолог заглавного героя в лечебнице для душевнобольных, знаменитый итальянец показан как человек одинокий, отверженный, противопоставленный как здоровым, которые не понимают его, так и больным, оказаться среди которых он боится:

«...J'ai demandé ma plume aux gardiens de ce lieu,
Mais ils ont froidement rejeté ma prière...
Là, tout être à ma voix répond par un affront,
Car, lorsque je disais que je voulais écrire,
Ils montraient la sueur découlant de mon front,
Et de mépris, souvent, je les ai vus sourire...
<...>
Mais là, tout près de moi, des fous sont enchaînés...
Comprendrez-vous enfin ma peur de la folie?
<...>
S'il faut être comme eux, mon Dieu, viens m'écraser!
Je pourrais bien encore supporter la souffrance,
Mais la folie... oh! non, viens plutôt me briser,
Car je dois préférer la mort à la démence!» [14, p. 433-434]. /

«...Я попросил свое перо у охранников, но они холодно мне отказали... Там каждый отвечал мне оскорблением, когда я говорил, что я хочу писать. Они показывали на пот, текущий по моему лбу, и презрительно улыбались... <...> Там, рядом со мной, были запутанные сумасшедшие... Поймете ли Вы наконец мой страх уподобиться им? <...> Если должно мне стать, как они, Боже мой, приди и прерви мою жизнь! Я мог бы выдержать еще страдание, но сумасшествие – о! нет, скорее прерви мою жизнь, я должен предпочесть смерть безумию!».

Образ поэта дополнен чертами характерного для романтической культуры демонического героя, из-за чего противостояние между ним и миром, принимая грандиозный размер, почти доходит до богоборчества:

“Je hais tout ce qui peut respirer l'air du ciel.
Je hais l'oiseau qui chante et l'insecte qui vole;
Je hais, peut-être... non, j'adore l'Éternel,
Mais je hais l'homme, et le son de sa parole” [Ibidem, p. 434]. /

«Я ненавижу все то, что может дышать воздухом неба. Я ненавижу птицу, которая поет, и насекомое, которое летит; я ненавижу, может быть... нет, я обожаю Всевышнего, но я ненавижу человека и звук человеческой речи».

Присущее романтической культуре тяготение к экзотике воплощено в одном из «Фрагментов» (типичный жанр романтической поэзии, появившийся как следствие разрушения жанровой системы, свойственной классицизму), лирическая героиня которого мечтает о неких очень далёких от Франции краях, где нет ничего, кроме моря (“Loin, bien loin de France, // Ne voir que les mers”), но где душа её может быть утешена жизнью

среди природы, в хижине (cabane). Атмосфера мечтаний создаётся образами, как будто заимствованными из множества произведений о «диких тропических лесах», где встречаются «отвратительные змеи» (un serpent hideux) и гиены (фантазии подобного рода будут питать ещё юного А. Рембо при написании «Пьяного корабля», и, похоже, Лётчик из «Маленького Принца» А. де Сент-Экзюпери под влиянием подобной литературы создал свой детский рисунок, изображавший проглоченного удавом слона).

Произведения *шаблонно-романтические* не занимают большого места в наследии поэтессы, их следует воспринимать как некую дань моде времени, но можно предположить, что поэтесса добилась бы успеха и в формах и темах «стандартного» романтизма, а кроме того, обладала способностью воплощать перспективные, но пока ещё неявные литературные тенденции. Так, например, ей принадлежит один из нечастых в ту эпоху опытов «стихотворения в прозе» (сборник таких «стихотворений», написанный А. Бертраном, вышел в 1842 г., а известность жанр приобрёл под пером Ш. Бодлера ещё позже, в 1860-х):

“Si tu veux m’aimer,
Tous les jours un bouquet de violettes que tu aimes tant sera déposé dans le treillage de ta fenêtre entre les tiges de ta ravenelle et de ton rosier du Bengale...

Si tu veux m’aimer,
Comme les sons de ma flûte te plaisent, le soir, dans la champagne, j’irai tout exprès à quelque distance de ta demeure, et là je jouerai tous les airs que je sais...” [11, p. 255-256]. /

«Если ты хочешь меня любить, // То букет фиалок, которые тебе так нравятся, всегда будет появляться в решетке твоего окна между стеблями желтых левкоев и кустом бенгальских роз... // Если ты хочешь меня любить, // То вечером, в деревне я приближусь к твоему жилищу и сыграю на флейте все арии, которые знаю, потому что тебе нравятся звуки моей флейты...».

Личностно окрашенные произведения Мари-Лор

Подавляющее большинство наиболее оригинальных и интересных стихотворений Груар производят впечатление фрагментов разбитого на отдельные тексты постоянного монолога на одну тему – печального одиночества. Для этих произведений характерны искренность выражения чувств, безыскусность формы, порой обилие подробностей как признак спонтанного, «неотредактированного» лирического излияния.

Мотив одиночества – не модная романтическая фантазия поэтессы, он отражал реалии её жизни. Поэзия не была для Мари-Лор процессом сотворения чувств и образов, отвлечённых от личного существования, она являлась для неё средством самовыражения и ничем более, вот почему трудно представить в оставленном поэтессой корпусе текстов такие жанры, которые требовали бы создания образов разнообразных героев – с их эмоциями, мыслями, устремлениями, возможно, очень отличными от авторских, – такие жанры, как эпическая поэма, баллада, ролевой монолог («Торкватто Тассо» – единственное исключение), драматические произведения.

Короткая жизнь Мари-Лор сложилась драматически. Поэтесса едва выжила в младенчестве (у ребёнка долгое время не открывались глаза, девочка казалась немой, мышечная слабость делала её неподвижной, как будто парализованной). Нездоровье стало постоянным спутником девушки, чихотка стубила её буквально за несколько месяцев (чуть раньше от той же причины умерла любимая старшая сестра поэтессы). Несчастнее Мари-Лор была, вероятно, только её мать, в один год потерявшая двух дочерей и оставшаяся совсем одна (муж по несправедливому приговору отбывал наказание на каторге).

Своё состояние и особенности своей лиры Мари-Лор объясняет с трогательной простотой:

“Vous demandez pourquoi je suis lente et morose?
Et pourquoi j’ai perdu l’ancienne teinte rose
Qui colorait ma joue? enfin, pourquoi mon cœur,
Selon vous, est cruel, haineux, froid et moqueur?
Sans comprendre ma vie étrange, errante et vide,
Sans savoir le souci de ma jeunesse aride,
Vous ne pouvez vraiment deviner ce qu’en moi
Je cache de douleur, d’orgueil, parfois d’effroi.

Enfant, j’ étais muette, aveugle et si débile,
Que, durant tout le jour, je restais immobile.
Et chacun tristement, et le bras étendu
Vers moi, disait tout bas: Cet enfant est perdu.
Pourtant on me sauva; dans mes belles vallées,
Je vis des jours brûlant et des nuits étoilées...

Mais un jour apparut la solitude austère,
Le chagrin la suivit...” [12, p. 339-340]. /

«Вы спрашиваете, почему я медлительна и печальна? И почему я утратила свой румянец? Наконец, почему мое сердце, согласно вам, жестоко, озлобленно, холодно и насмешливо? Не понимая моей странной, бродячей и пустой жизни, не озаботившись узнать мою бесплодную молодость, Вы не можете разгадать

действительно, что я скрываю от боли, от гордости, иногда от страха. Ребенком я была нема, слепа и настолько слаба, что в течение целого дня я была неподвижна, и каждый, указывая на меня рукой, говорил тихо и грустно: “Этот ребёнок обречён”. Однако меня спасли; в прекрасных долах я видела жаркие дни и звёздные ночи... Но однажды пришло суровое одиночество, за ним последовала печаль...».

Чувство одиночества и ненужности могло увеличиваться от соприкосновения с литературной средой, о чём предупреждал начинающего автора Сент-Бёв: «Трудности литературного дебюта в Париже больше, чем Вы можете себе представить, мадемуазель» [16, р. 61]. Эта среда, кроме прочего, не слишком благоволила авторам-женщинам, что было закреплено даже юридически (достаточно вспомнить, например, что замужняя дама не могла опубликоваться без письменного разрешения супруга, и эта норма распространялась даже на знаменитостей вроде Жорж Санд [15, р. 11]).

Не меньшее воздействие должны были оказывать и устойчивые предрассудки в отношении женщин. Так, на протяжении всего XIX века господствовало убеждение, происходившее из медицинской среды, согласно которому определяющими чертами женщины, обусловленными её полом, являются в физическом аспекте слабость, а в моральном – чувствительность [9, р. 41]. В этом же роде высказывались порой и сами дамы. Талантливейшая из французских поэтесс XIX столетия М. Деборд-Вальмор писала Мари-Лор: «Мы, женщины, не могущие претендовать на талант, мы судим сердцем...» [7, р. 64]. Вероятно, в ответ на некие стандартные упрёки в адрес пишущей женщины появились эти строки Груар:

“Vous m’avez dit un jour: Jeune fille poète,
Ne chantez point votre âme et cachez votre cœur;
La femme, parmi nous, doit demeurer muette,
Renier ses amours et garder sa douleur.

Et moi, je vous répons: Dites à la tempête,
Aux grands vents, aux grands flots, d’étouffer leur fureur;
Faites taire au vallon l’écho fort qui répète
Ou le cri de souffrance ou le cri du bonheur...

...Faites taire tout bruit, tout chant et toute plainte:
Quand tout sera muet, je ne chanterai plus” [13, р. 324-325]. /

«Вы мне сказали однажды: “Юная дева-поэт, не пойте о своей душе и прячьте сердце; женщина, между нами, должна сохранять молчание, отвергнуть страсть и хранить свою печаль”. И я, я Вам отвечу: “Скажите буре, штормовым ветрам, валам укротить свою ярость; заставьте замолчать эхо в долине, или крик муки, или восклицание счастья... Заставьте умолкнуть всякий шум, всякую песню, всякий плач. Когда всё это перестанет звучать, я больше не буду петь”».

Контекст, в котором утверждается позиция поэта, – романтический как по масштабу (вселенский), так и по отбору выражающих его контрастных образов (мука – счастье, песня – плач...), благодаря чему одиночество лирической героини представлено здесь не как печальный удел слабого и больного существа, а как героическое противостояние мощным и труднопреодолимым обстоятельствам.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Романтизм был для М.-Л. Груар не литературной модой, а органическим методом, потому что давал возможность свободного выражения внутреннего мира (по известному высказыванию В. Гюго, романтизм – это «либерализм в литературе»). Мари-Лор относится к поэтам субъективного типа. Степень откровенности поэтессы такова, что эмпирическая М.-Л. Груар с героиней своей поэзии практически сливается. В сравнении с тоже *исповедальным* лирическим героем – ламартиновским, кажущимся со временем *ролью*, персонификацией меланхоличного романтического страдания, героиня поэтессы воспринимается как подлинный, непритворно переживающий человек. Из поэтов-романтиков «второго ряда» типологически родственную творческую модель демонстрируют такие авторы, как А.-Ф. Арвер, А. Дешан, отчасти Э. Меркёр. Непосредственность М.-Л. Груар предвосхищает (в умеренном варианте) лирику импрессионистов (П. Верлен и его последователи). Перспективы дальнейшего исследования очевидны: построение типологии романтических авторов возможно только после изучения творчества многих поэтов, в том числе других «малых романтиков», в заявленном системном аспекте. До осуществления этой операции выводы настоящей работы корректно было бы считать предварительными.

Список источников

1. Луков Вл. А. Теория персональных моделей в истории литературы. М.: Изд-во МосГУ, 2006. 104 с.
2. Соловьёва Н. А. Романтизм, критика, теория // Мир романтизма: материалы Межд. научн. конф. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 5-15.
3. Трыков В. П. Французский литературный портрет XIX века. М.: Наука; Флинта, 1999. 360 с.

4. Шайтанов И. О. Компаративистика и/или поэтика: английские сюжеты глазами исторической поэтики. М.: РГГУ, 2010. 656 с.
5. Banville T. de. Notice de l'Éditeur // Marie-Laure. Essais en prose et poésies. P.: J. Labitte, 1844. P. 25-54.
6. Bever A. van. Les poètes du terroir du XV-e au XX-e siècle: 4 t. P.: Ch. Delagrave, 1911. T. 3. 550 p.
7. Desbordes-Valmore M. Lettre // Marie-Laure. Essais en prose et poésies. P.: J. Labitte, 1844.
8. Janin J. Lettre // Marie-Laure. Essais en prose et poésies. P.: J. Labitte, 1844. P. 58-59.
9. Knibiehler Y. Le Discours médical sur la femme: constantes et ruptures // Romantisme. 1976. № 13-14. P. 41-55.
10. Lebreton T. Grouard (Marie-Laure) // Lebreton T. Biographie normande. Rouen: A. Le Brument, 1858. T. 2. P. 173-174.
11. Marie-Laure. Ballade en prose // Marie-Laure. Essais en prose et poésies. P.: J. Labitte, 1844. P. 255-257.
12. Marie-Laure. Derniers vers de l'auteur // Marie-Laure. Essais en prose et poésies. P.: J. Labitte, 1844. P. 338-342.
13. Marie-Laure. Sonnet. A M. L. Ulback // Marie-Laure. Essais en prose et poésies. P.: J. Labitte, 1844. P. 324-325.
14. Marie-Laure. Torquato Tasso // Marie-Laure. Essais en prose et poésies. P.: J. Labitte, 1844. P. 433-435.
15. Prassoloff A. Le statut juridique de la femme auteur // Romantisme. 1992. № 77. P. 9-14.
16. Sainte-Beuve. Lettre. 1-er avril 1842 // Marie-Laure. Essais en prose et poésies. P.: J. Labitte, 1844.
17. Theuriau F.-G. Quelques poétesses du peuple // Gavroche: Revue d'histoire populaire. 2005. № 139. P. 23-27.

Информация об авторах | Author information

Пинковский Виталий Иванович¹, д. филол. н., доц.

¹ Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

Pinkovskiy Vitaly Ivanovich¹, Dr

¹ North-Eastern State University, Magadan

¹ alennart@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.03.2021; опубликовано (published): 30.04.2021.

Ключевые слова (keywords): Мари-Лор Груар; типология авторов французского романтизма; субъективизм; жанры романтической поэзии; Marie-Laure Grouard; typology of French romanticism authors; subjectivism; romantic poetry genres.